

Детективы 19 века

Андрей Зарин
Сыщик Патмосов

Детективные рассказы

Андрей Ефимович Зарин
Сыщик Патмосов.
Детективные рассказы
Серия «Детективы 19 века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57120195

*Зарин А. – Сыщик Патмосов. Детективные рассказы: Зерна; Рязань;
2020*

ISBN 978-5-907190-42-9

Аннотация

В русской дореволюционной литературе детективного жанра были свои Шерлоки Холмсы и Эркюли Пуаро. Один из них – частный сыщик Патмосов, созданный писателем Андреем Ефимовичем Зариным (1862–1929). В этой книге – рассказы, в которых Патмосов расследует убийство с множеством подозреваемых («Четвертый»), загадочное исчезновение человека («Пропавший артельщик»), а также раскрывает шайку карточных шулеров («Потеря чести»).

Содержание

Предисловие	5
Четвертый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Зарин
Сыщик Патмосов
Детективные рассказы

© Издательство «Зерна», 2020

Предисловие

Андрей Ефимович Зарин – писатель, сын переводчика и литературного критика Ефима Федоровича Зарина (1829–1892) и писательницы Екатерины Ивановны Зариной (1837–1940).

Поместил ряд романов и повестей в периодических изданиях. Как редактор «Современной жизни», в 1906 г. был приговорен к заключению в крепости на полтора года. Отдельно вышли его книги: «Тотализатор», «Засохшие цветы», «Силуэты», «Казнь», «Пожар красносельской фабрики», «Серые герои», «Спирит», «Призванье», «Карточный мир», «Говорящая голова», «Мужья и жены», «Семья», «Дар сатаны», «Потеря чести», «Мой муж», «Человеческие отношения», «Власть земли», «На изломе», «Кровавый пир», «Двоевластие», «Живой мертвец», «Темное дело», «Увлечение Пушкина женщинами», «Альбом Пушкина», «Пятидесятилетие освобождения крестьян», «На пути к свободе», «Обозрение реформ императора Александра 11», «Отечественная война 1812 года» и ряд книг для юношества.

Четвертый

На веранде роскошной дачи в Петергофе за утренним кофе сидел старый, заслуженный отставной генерал князь Чеканный, а напротив – его молодая жена, Вера Андреевна.

Вдруг князь сказал, роняя газету:

– Дергачева убили, процентщика. Помнишь его, Вера? А?

Ложка со звоном упала в чашку. Лицо Веры Андреевны покрылось бледностью, и она откинулась к спинке стула.

– Что с тобой? – тревожно воскликнул генерал.

Она слабо улыбнулась и выпрямилась.

– Ничего, Валерьян, не беспокойся! Просто я услышала слово «убили»...

Генерал покачал головой.

– Опять эти нервы! Поезжай-ка ты за границу или в наше Широкое. Ты, моя рыбка, совсем о здоровье не заботишься.

В голосе генерала слышалась вся нежность его чувства к молодой жене.

Она приветливо кивнула ему.

– Поедешь ты, и я с тобою! Ну, кого убили?

Генерал, уже успокоившись, отхлебнул кофе, затянулся сигарою и, взяв газету, стал читать вслух.

– Дергачева. Помнишь, я у него выручал векселя Павлуши? Такого армянского типа, крашеный!

Вера Андреевна кивнула.

– Ну вот его! Подле Павловска. Что-то таинственное. Нашли труп. Голова разбита топором. «Хотя при убитом оказались и часы, и перстень, и кошелек, и бумажник, – убийство все же совершено, видимо, с целью ограбления, так как боковой карман пальто вывернут и даже испачкан кровью. Преступник, очевидно, вытащил из него крупную сумму, после которой не стоило уже брать кошелек с несколькими рублями». А? Вот тебе и копил денежки! Тебе дурно, Верунчик, а?

– Я прилягу, – тихо сказала Вера Андреевна, – этот случай правда ужасен. Особенно когда знали человека.

Генерал отечески-нежно поцеловал жену в лоб и оставил ее у дверей будуара.

Вера Андреевна вошла в будуар¹ и нажала кнопку звонка. Когда вошла горничная, она сказала:

– Паша, там, на веранде, осталась газета. Принесите ее мне!

Паша вернулась с газетой.

– Оставьте на столе. Если кто придет, извинитесь. У меня мигрень.

– Слушаю! – отвечала Паша и вышла.

Вера Андреевна нашла сообщение об убийстве и стала жадно выхватывать строки глазами.

«Вчера, рано утром, сторож Павловского парка, идя к своему посту, увидел у канавы, что отделяет Царскосельский парк от Павловского, труп. По прибытии судебных и поли-

---

¹ Будуар – комната хозяйки в богатом доме.

цейских властей открыто несомненное преступление...»

А потом: «...в трупе признали небезызвестного Петербургу дисконтера², Антона Семеновича Дергачева, проживавшего в Павловске на даче. По показанию прислуги он, как всегда, вышел из дому около 10 часов на музыку и не вернулся. Следствие ведется энергично.» И все.

В дверь осторожно постучались.

Вера Андреевна вздрогнула.

– Кто? Что надо?

– К вашему сиятельству посыльный. Пакет принес!

– Положите! Дайте посыльному мелочи! И больше не тревожьте меня.

Вера Андреевна заперла дверь, взяла пакет, быстро вскрыла его и облегченно вздохнула.

Потом на миг глаза ее затуманились, но, отгоняя страшную мысль, она прошептала уверенно: «Не может быть!» – и опять надавила кнопку.

Паша вошла снова.

– Затопите камин, Паша!

* * *

Катя с булками и «Петербургской газетой» в руках, как сумасшедшая, вбежала в комнаты, крича:

---

² Дисконтер – лицо, ведущее учет векселей.

– Барыня, барыня! Нашего Дергача убили! Вчера убили! Топором!

Молодая красивая женщина выскочила из темной спальни в одной сорочке, босиком.

– Что ты говоришь? Ты врешь? Он третьего дня был у меня!

– Ну, вот! А от нас домой, а ночью его и хлопнули! Вот, читайте! Я нарочно газету купила! Мне в лавке Авдей сказал! Вот! – и Катя сунула в руки своей барыне газету.

Барыня опустила в кресло и развернула газету.

– Тут вот, сейчас, как отвернете!

Барыня прочла напечатанный крупными буквами заголовок: «Убийство ростовщика».

– Читайте вслух! – попросила Катя.

Барыня стала коленками на кресло, совсем склонилась к газете и стала, медленно разбирая слова, читать описание убийства Дергачева:

– «Следствие ведется с энергией. На место преступления прибыл агент сыскной полиции. Пока еще ничего не открыто, но надо ожидать, что энергия следователя и ловкость агента скоро откроют преступника».

Барыня хлопнула рукой по газете.

– Это Степкино дело, – воскликнула она, – вот чье!

– Что вы, барыня!

– А я знаю, и ты не спорь! Дай скорее кофе, и я поеду!

– Куда?

– На него показать. Вот что!

Лицо барыни горело негодованием и обидой. Она стояла перед Катей в одной рубашке, с распущенными волосами и, махая перед ее лицом рукою, кричала:

– Что ты знаешь? Коли он сам мне грозил убить его! А теперь со мною рассорился, запил... и очень просто! Давай кофе! – окончила она и скрылась в спальне.

* * *

Николай Николаевич Савельев, двадцати трех лет, с красивым испытаным лицом, проснулся в двенадцать часов дня с тяжелой головой от беспутно проведенной ночи.

Он позвонил и вошедшему человеку приказал подать себе кофе и газету.

Николай Николаевич, или Николушка, как звала его до сих пор мать, был выгнан из всех учебных заведений, включая даже частные гимназии. Отец для приличия пристроил его в правление одного банка.

Сам Савельев, вышедший из народа, был богатейшим человеком в Петербурге и пользовался широкой известностью в коммерческом мире как делец.

Николушка лежал и читал газету, как вдруг чуть не подпрыгнул, прочитав про убийство Дергачева.

Лицо его побледнело, он бросил газету и сразу выскочил из постели.

«Вот когда пропал так пропал!» – мелькнуло у него в голове, и на мгновение перед глазами пошли красные круги.

– Только Коська и выручит, – решил он вслух и поспешно начал одеваться, волнуясь и вздыхая.

Судебный следователь Виктор Иванович Ястребов встрепенулся и ожил, когда приехал на место преступления и остановился над трупом Дергачева.

Вот сколько-нибудь интересное дело и, может быть, случай выдвинуться.

На него одним глазом смотрело залитое кровью обезображенное лицо, на котором топорщились седые усы. Обнаженная голова представляла сплошную рану и теперь была вся облеплена мухами.

Письмоводитель следователя, коротенький, толстый господин с красным лицом и толстым носом, звучно высморкался в синий клетчатый платок и полез в портфель за бумагой.

Ястребов тем временем с двумя околоточными, приставом и с понятыми производил осмотр.

Труп лежал навзничь с раскинутыми руками. Следов борьбы не было видно. По белому пикежному жилету лежала массивная золотая цепь с драгоценным перстнем вместо брелока.

– А что на цепи? – спросил Ястребов.

Околоточный осторожно вытащил оба конца цепи, и на одном оказался шагомер, а на другом тяжелые мозеровские

часы.

– Ограбления нет!

– А это? – сказал пристав и указал на пальто. Левая пола его была откинута, и по ее светлой подкладке проходила кровавая полоса до бокового кармана, который был вывернут.

– Очевидно, из кармана поспешно выдернуто что-то, – сказал пристав.

– Да, да! Очевидно, – подтвердил следователь. – Ну, пишите, Севастьян Лукич, а вы, доктор, делайте свой осмотр. Личность опознана? Кто опознал? Молочница! Отлично! Ну, пишите!

Доктор стал исследовать рану. Удар, видимо, раздробил череп, и от удара лопнул и вытек левый глаз. Смерть была моментальна.

– Чем его убили?

– Тяжелым и острым. Топором, но только небольшим, с силой необычайной.

– Запишем! – сказал Ястребов.

– Больше ничего? – спросил пристав. – Можно отнести труп на квартиру?

– Да! Только осмотреть все карманы!

Сторож нагнулся и стал обыскивать по очереди карманы убитого.

Часы, шагомер, цепочка; в жилетке перочинный нож; в брюках кошелек и портсигар; в пиджаке бумажник и записная книжка, носовой платок. Все.

– Соберите все и завяжите в платок. Я осмотрю после. Теперь можно унести труп. Кто знает квартиру?

Ястребов кивнул письмоводителю и в сопровождении околоточного направился к квартире Дергачева.

* * *

Ястребов расположился в небольшом кабинете Дергачева за его письменным столом, уселся плотнее в кресле, закурил и сказал:

– Начнем! Пожалуйста, – обратился он к околоточному, – соберите – сторожа, который нашел труп, молочницу, что опознала труп, прислугу покойного и дворника. Начнем с них!

Околоточный ввел сторожа.

Следователь услышал рассказ о том, как сторож шел к своему посту, увидел труп и поднял шум:

– Зовите молочницу!

Молочница только опознала труп.

– Зовите прислугу!

Лукерья вошла, и следователь при взгляде на нее невольно улыбнулся, столько в ней было задорного и чувственного.

– Как звать? Кто? Откуда? Года?

– Лукерья Анфисова, крестьянка Лужского уезда, двадцать лет, девица, православная, родители в деревне.

– Ну, расскажи, что он в этот день делал, куда ушел? Был

ли у него кто, не ждал ли он кого? Все говори!

Лукерья рассказала.

– Так. Ну, а как жил он? Может, у него враги были? Была ли у него женщина? Расскажи все про его жизнь.

– Жили они очень даже тихо. Редко, коли кто у них бывал. Разве по делу, больше богатые господа приезжали. А что, женщина у них есть. Каравеева, Марья Васильевна. Племянник тоже есть. Только они его от себя прогнали совсем.

– За что?

– Поссорившись были. Племянник пьет и, как напьется, сейчас его ругать. Жидом зовет, процентщиком и всяко! А им неприятно.

Глаза следователя сверкнули.

– Вот! А кто он? Как звать его?

– Господин Трехин, Степан Петрович. А что делает, не знаю. И где живет, не знаю. Озорник!

– Ну, что еще показать можете?

– А больше ничего не знаю!

– Идите! Кто там еще? Дворник? Зовите дворника!

Но вместо дворника в комнату вошел среднего роста, крепкий, с энергичным, умным лицом господин.

Следователь вопросительно взглянул на него.

Вошедший галантно поклонился ему и сразу выяснил свою личность:

– Присланный из Петербурга агент – Алексей Романович Патмосов.

Лицо Ястребова приняло приветливый, но и начальнический вид.

– А! Очень рад! Отлично, помогите нам! Я сейчас кончу последний опрос дворника! А вы бы на место преступления сходили.

– Я уже был, – ответил Патмосов.

– Ну, и отлично! Там, собственно, ничего существенного. Так я продолжаю!

– Прошу! – сказал Патмосов. – А мне позвольте найденное при убитом.

– Пожалуйста! На том столе!

Патмосов присел к столу, развернул узел и начал методически осматривать каждую вещь. Околоточный ввел дворника.

* * *

Алексей Романович Патмосов являлся сыщиком по званию, и сам Иван Дмитриевич Путилин³, наш российский Лекок, отличал его за исключительные способности и остроумие.

В настоящее время этого Патмосова знают все, кому он нужен.

Он уже не служит агентом, занимаясь розысками по

---

³ Иван Дмитриевич Путилин – первый начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга.

просьбе частных лиц, но к нему нередко обращается и сыскная полиция в затруднительных случаях.

* * *

Следователь обратился к дворнику с обычными вопросами и в заключение спросил:

– Ну, что вы можете показать?

Дворник, молодой парень в новых сапогах, переставил ноги, переложил в другую руку фуражку и сказал:

– Так что барин как барин. За дачу заплатил сразу. Мне тоже платил аккуратно, только скупехонек был. Я ему переносил мебель, так он всего двадцать копеек дал, а обыкновенно рупь дают...

– Бывал ли у него кто-нибудь?

– Так что не замечал. Был тут два раза такой молодой господин, опять, евонная барыня была раз, а то никого.

– Ну, больше ничего! – хотел подвести итог следователь.

– Позвольте еще один вопрос, – мягким голосом произнес

Патмосов.

Следователь с неудовольствием взглянул на него и сухо сказал:

– Пожалуйста!

Патмосов обратился к дворнику:

– Скажи мне, голубчик, у Лукерьи, что здесь служит, никого нет? Ни брата, ни кума?...

Дворник широко улыбнулся.

– Как же без этого быть! При ей питерский состоит. Как барина нет, так он и здесь!

– А кто он?

– Говорит, слесарь, а звать Прохором. Ухарь.

Следователь насторожился и быстро вмешался в допрос.

– Говоришь, он часто бывает? Когда был последний раз?

– А вчера; весь день. Барин ушел, а через полчаса времени она его до калитки проводила.

– Барин знал про него?

– Нет! Он словно сам путался с Лукерьей, так она прятала своего-то.

– Иди!

Дворник поклонился и вышел.

– Вы теперь еще раз Лукерью спросите, – предложил следователю Патмосов.

– Да, да, я это хотел! Позовите прислугу! – распорядился следователь.

Теперь, когда вошла Лукерья, он уже не улыбался ей и принял суровый вид.

– Я позвал вас снова, – начал он, – чтобы спросить, кто такой этот Прохор, который к вам ходит, где он живет и когда он был у вас в последний раз? – при этом он испытующе посмотрел на Лукерью.

Лукерья сразу изменилась в лице, но через мгновение оправилась.

– Земляк мой. Вот и ходит. А был вчерась и ушел, когда барин спал. Торопился на восемь часов.

– Как его фамилия, и где он живет?

– Резцов фамилия, а живет в Десятой роте⁴, у Селиванова.

– Номер дома знаете?

– Дому четырнадцать, а квартире тридцать восемь.

Патмосов написал на бумажке несколько слов и через письмоводителя передал Ястребову.

Тот прочел и сказал околоточному:

– Введите Копытова!

Околоточный снова ввел дворника. Лукерья исподлобья взглянула на него, и на лице ее выразилась тревога.

– Скажи точно, когда ушел с дачи этот Прохор? – спросил его следователь.

Лукерья стала блее бумаги.

– С полчаса после барина. Так что уж десять часов пробило.

– И врешь! – вдруг резко сказала Лукерья. – Это ты из ревности брешь! Восьми не было!

– Говори! Я ж видел, как ты его провожала, а раньше того барин вышел.

– Врет он, господин судья, – заговорила Лукерья с яростью, – с ревности часы спутал.

– Да уж темно было, а в восемь разве темно?

– И темно не было!

---

⁴ Роты – исторический район Санкт-Петербурга.

– Ну, будет, – остановил их следователь, – идите!

Они вышли, переругиваясь.

– На сегодня все! – сказал следователь. – Собирайтесь, Севастьян Лукич! Ну, что вы нашли, что скажете? – обратился он к Патмосову.

Патмосов встал.

– Сейчас ничего не могу вам сказать, а завтра что-нибудь выяснится.

– Так, так! Завтра уже ко мне в камеру⁵ пожалуйста! Я там буду!

Патмосов поклонился.

– А за Прохором что-то есть! Кажется, мы на следу! – сказал следователь.

* * *

Ястребов ходил по своей камере, которая помещалась в его квартире, в Царском, и говорил письмоводителю:

– Мы должны с вами разыскать убийцу. Это первый интересный случай в моей практике. А то все воровство, кража со взломом, пьяные мазурики, мужичье. Этого же весь Петербург знает. Да!

– Господин Патмосов, – доложил сторож.

– Зови, зови! – закричал Ястребов и встал с кресла на-

---

⁵ Камера – присутственное место, канцелярия.

встречу сыщику. – А, здравствуйте! Садитесь. Что новенького?

Патмосов поздоровался с ним, с Флегонтовым, сел и сказал:

– Да особого ничего; так, общие приметы...

– Ну, ну, поделитесь.

– Вот-с как мне пока представляется убийство.

Патмосов закурил и начал рассказ:

– Убитому Дергачеву кто-то назначил в этом месте свидание ровно на десять часов вечера. Дергачев, как вам известно, вышел сам около десяти и прямо пошел на свидание, придя с опозданием минут на десять. По-видимому, он кого-то встретил на дороге и пошел медленным шагом. Его встретил высокий, крепкий и нервный господин, и они стали о чем-то беседовать, спорить, снова беседовать. Потом спор обострился. Нетерпеливый господин не выдержал. Трах! И готово! А когда убил, то выхватил из его кармана то, что нужно, и ушел.

Следователь слушал его, кивая головою и слегка улыбаясь.

– Так, – сказал он. – Отлично! А чем ударил этот господин Дергачева, и что он вытащил из его кармана?

Патмосов засмеялся.

– Я не ясновидец! Впрочем, ударил он его чем-то вроде топорика. Может, косарем⁶.

---

⁶ Косарь – большой русский хозяйственный нож с широким и толстым клин-

– А что украл?

– Бумаги! – уверенно ответил Патмосов. – Только не деньги. Видите ли, этот Дергачев ничем не брезгал и любил нечистые векселя. Так вот... такие векселя. А может, и деньги!..

– Может, деньги, может, не деньги, – усмехнулся следователь. – Так! Ну, а откуда у вас все эти подробности, дорогой.

– Алексей Романович, – подсказал Патмосов. – Какие подробности?

– Виноват, простите! Да вот насчет времени, роста, нетерпения и прочая.

– Это пустяки, – улыбнулся Патмосов, – вы сейчас сами увидите. У покойника оказался шагомер в кармане, а на шагомере значится пять тысяч семьсот шагов. Я стал мерить. От дачи убитого до мостика, что ведет в парк, ровно три тысячи двести шагов, то есть минут двадцать ходу, а так как он вышел совсем перед десятью, то, значит, пришел минут на десять-пятнадцать после десяти. Ясно?

Следователь кивнул.

– А что тот ждал в нетерпении, так видно по окуркам папирос. Он грыз их и подле мостика набросал целую кучу. Характерные окурки! – и Патмосов положил на стол сверток бумаги, в котором оказалось штук двадцать папиросных окурков. Они были с непомерно длинными мундштуками, причем самые мундштуки были изгрызаны. – Я их вчера собрал, – заметил Патмосов. – По дорожке валялись, а у мо-

стика штук десять. Понятно, нетерпеливый.

– Ну-с, а рост?

– Да Дергачев роста среднего, а тот его по темени бил! Очевидно, высокий. Теперь дальше-с. От ворот до мостика я сосчитал девяносто шагов, а осталось, по шагомеру, две тысячи пятьсот. Вот они и ходили взад и вперед. Раз тридцать, а что иногда останавливались – видно было опять по окуркам. В ином месте вдруг три окурка.

– Что же вы думаете? – спросил следователь.

– Я бы пересмотрел его бумаги и записки. Быть может, там какой-нибудь намек. Вы смотрели бумажник?

– Смотрел; семьдесят пять рублей и три письма от какой-то любовницы.

Патмосов промолчал, потом сказал:

– Вы позволите мне их?

– Сделайте одолжение. Севастьян Лукич, дайте! Ну, что вы еще узнали?

Патмосов осторожно взял три почтовых листика, уложил их в свой бумажник и ответил:

– Насчет Лукерьи и Прохора... Оба хороши, Лукерья судилась за кражу у барина на одном месте, где она служила. Но была оправдана, а этот Прохор два раза в тюрьме сидел за кражи.

Следователь вскочил.

– И вы молчали! Вот вам и убийца! Арестовать его, и все!

– Ваше дело, – сказал Патмосов.

– И думать нечего! Вот вам приказ. Пожалуйста! Заодно и обыск у него сделать, и сейчас же его ко мне переслать!

Догадливый Флегонтов уже написал постановление и подал Ястребову. Тот подписал бумагу и передал ее Патмосову. Патмосов встал.

– Так я пойду!

– Пожалуйста!

В это мгновение вошел сторож.

– Барыня вас видеть хочет. Сказывает, насчет убийства!

– Проси! – быстро сказал следователь и обратился к Патмосову: – Вы останьтесь!

Патмосов поклонился и отошел в угол камеры, где сел на стул. В то же время в комнату порывисто вошла пышно и безвкусно одетая дама и обратилась к следователю:

– Вы господин следователь?

– К вашим услугам! – галантно ответил Ястребов, подавая стул.

– Который по убийству Дергачева?

– Совершенно верно!

– Я знаю убийцу! – сказала дама и, стукнув зонтиком, вызываяще оглядела стены камеры, следователя, письмоводителя и скромно сидящего Патмосова.

* * *

Следователь смутился.

– Сударыня, это так важно! Вы позволите записать?

– Пишите, мне все равно! Как только Катя мне сказала, я сразу! Я его не боюсь, мерзавца...

Следователь мигнул письмоводителю и заговорил:

– По порядку, сударыня. Имя, отчество, звание и все прочее?

– Знаю, знаю! Звать меня Караваева, Марья Васильевна, кронштадтская мещанка, сирота, православная, двадцать четыре года, цеховая портниха. Вот и все! Довольно?

– Великолепно, – улыбался следователь, – теперь что вы имеете передать по делу об убийстве Дергачева?

– А кто убийца! Видите ли, я прямо, – начала она, оборачиваясь то к Ястребову, то к Флегонтову, я прямо скажу, что была на содержании у Дергачева. Скупой был покойник. Правда, возил гулять, платья дарил, вещь, коли заклад просрочен.

– Как? Он под вещи давал?

– А то как же! По клубам больше. Проиграются и закладывают.

– Так. Продолжайте.

– А денег всего сто рублей давал. У него племянник Степан Петрович Трехин. Только совсем разбойник. Пьет и буянит. Я уж вам всю правду говорю. Я попуталась с ним и даже денег ему давала, только с ним одно горе. А тут он с Дунькой связался. Да! Она у Коровина на содержании. Так вот. Этот Дергачев, покойник, царство ему небесное, раз мне и

говорит: «Никого у меня нет. Люби меня крепко, а я на тебя все отпишу». Вот как я поссорилась со Степкой, и скажи ему это. Как он зарычит, как вскочит! «Да я, – кричит, – убью раньше того!» И убежал. Это в субботу было, а нынче читаю – и убил! Понятно – он!

Она порывисто перевела дух. Наступила тишина. Флегонтов торопливо подал бумагу следователю. Ястребов прочел вслух показание.

– Теперь подпишите его!

– С удовольствием.

Она сняла перчатку и старательно вывела свою фамилию. Потом встала, взяла зонтик и сказала:

– Я вас очень просить буду поискать завещание.

– Есть, так отыщем! Ваш адрес?

– Поварской, дом пять!

– В случае чего мы вас потревожим. А Трехина адрес?

– Жил на Невском, пятьдесят четыре, в мебелирушках⁷, а сейчас не знаю!

– Благодарю вас!

– А убил он, это я знаю!

Караваяева сделала общий поклон и, шурша юбками, вышла.

– Ну, что вы думаете? – спросил следователь.

– Разузнать надо, – сказал Патмосов.

---

⁷ Меблированные комнаты, род дешевой гостиницы в дореволюционной России.

– Непременно! Севастьян Лукич, напишите повестку Трехину.

– А как насчет Прохора Резцова? – спросил Патмосов. Следователь развел руками.

– И не пойму! Вот история! Понятно, арестуйте. Что на него смотреть! Не он – отпустим! Теперь у нас двое.

* * *

Трехина искать не пришлось. Он приехал в квартиру убитого дяди и тотчас начал распоряжаться в ней как хозяин.

Это был господин лет тридцати трех, с типичной наружностью отставного поручика-скандалиста.

– Где ключи? – спросил он у Лукерьи, едва вошел в комнату.

– У следователя и пристава. Пришли, все описали, печати присургучили и ушли!

– Так! А ты стащить много успела? А? Ха-ха-ха! Ну, там я с ними поговорю! А теперь устрой закуску и водки! Скоро!

Лукерья засуетилась готовить завтрак новому барину.

Он прошел в спальню, где, не снимая сапог, растянулся на дядюшкиной постели. Лукерья принесла ему завтрак.

– Свои истратила, – сказала она.

– Ничего, сквитаемся, – ответил Трехин и, обняв ее под колени, привлек на постель.

– Ну, говори, старый хрыч путался с тобою? А?

– Что это вы, какие глупости! – кокетливо усмехнулась Лукерья, оказывая ему слабое сопротивление.

– Рассказывай! Он ко всякой бабе, как муха к меду! Машка была?

– Была. К следователю ездила и на вас показала, а потом сюда.

– На меня? Что на меня?

– А что вы дядюшку своего убили! – сказала Лукерья.

Трехин выпустил ее и вскочил.

– Это она на меня! Ха-ха-ха! Со злости, значит. От великой ревности. Ну, уж и оттреплю я ей шиньон! Будет знать Степана!.. А что ей наследство улыбнулось – это верно!

– Она сказывала, что он уже написал.

Трехин опять вскочил и вытаращил глаза, словно подавился куском.

– Врет! – заревел он через мгновение и вдруг, схватив фуражку, вихрем вынесся из комнаты...

Следователь только что окончил обед и собирался отдохнуть, когда слуга доложил ему о господине, который непременно хочет его видеть.

– Обязательно и непременно! – раздался сиплый голос, и в комнату вошел Трехин.

Ястребов встал и вопросительно посмотрел на него.

– Трехин! Степан Петрович, оговоренный девицей Караевой в убийстве своего дяди и, между прочим, пришедший узнать о наследстве, так как нет ни гроша! А по оговору го-

тов отвечать.

Ястребов на мгновение растерялся.

– Простите, теперь неслужебное время, и по делу я вас прошу прийти ко мне завтра к одиннадцати часам.

– Очень хорошо!

– Что же до наследства, это меня не касается. На ввод есть законный срок, а до той поры все у судебного пристава.

Трехин словно опомнился.

– Очень хорошо! Прошу извинить! До завтра! – и, щелкнув каблуками, он повернулся и вышел.

Ястребов лег на диван.

– Чушь, – сказал он вполголоса, – убийца так открыто не появился бы. Просто баба из ревности наплела... Однако рожа разбойничья, – через минуту пробормотал он, – в уголовной практике встречаются всякие наглецы. Завтра выясню, – решил он и закрыл глаза.

* * *

Патмосов вышел из вагона и, не заходя домой, направился в меблированные комнаты на Невский, в дом пятьдесят четыре.

– Где здесь живет Трехин? – спросил он дворника.

– А в номере шестнадцать, у Анфисовой. Вон лестница направо, – указал он.

Патмосов поднялся по лестнице, остановился у квартиры

№ 16 и позвонил.

Незапертую дверь открыли, и Патмосов увидел высокую старуху с нечесаными волосами и выпученными глазами.

– Трехин, Степан Петрович, дома? – спросил он.

Старуха энергично тряхнула головой.

– Третий день нет. Как ушел, так и нет. Вам что?

– Дело есть. Позвольте ему записку оставить.

– А, сделайте милость. Войдите к нему. Вот дверь направо!

Патмосов отворил дверь и вошел в типично меблированную комнату. Он подошел к письменному столу и присел.

В комнате появилась старуха и спросила его:

– Вы кто же будете? Из приятелей?

Патмосов кивнул.

– Чай, по «Зеленому якорю»? – сказала снова старуха и продолжала: – Его нет, а в газетах пишут, что его дядюшку ухлопали. Наследник теперь. То-то начудит!

– Не без этого! – вставил Патмосов.

Старуха подошла ближе и понизила голос:

– А он-то его ругал да поносил! Как напьется, так и ругать его! Тут в субботу вернулся пьяный-пьяный и ну кричать: «Убью я его, пса старого!» Даже страшно. Ан и накликал!

Патмосов встал.

– Я лучше зайду завтра!

– А записку?

– Нет, я уж на словах.

– Как знаете, а коли его завтра не будет, объявку сделаю и комнату сдавать буду. Ну его!

Патмосов отправился в сыскное и попросил найти Резцова, дав его адрес.

– Просто сыскать?

– Да! И если он есть на квартире, известить меня, а нет – поискать по городу и тоже меня известить. Арестую я сам!

Дома Патмосов достал бумажник, вынул из него три почтовых листика и начал внимательно прочитывать их.

Это были три письма, писанные, несомненно, одной и той же женщиной к любимому человеку, и для Патмосова, по мере чтения их, становилось ясно, что процентщик не может получать таких писем.

Первое письмо начиналось воплем любящего сердца: «Сережа, не мучай меня так безжалостно!» Дальше шло страстное объяснение в любви и опять просьба не говорить о чем-то – «об этом».

«Я не могу решиться на это никогда, никогда, – читал Патмосов. – Он для меня отец, я для него дочь. Могу ли я надругаться над его чувством и оставить его одинокого! Я и так считаю себя подлой, подлой. Не мучай же меня, Сережа, и не говори мне об этом», – оканчивалось письмо, и после него подпись: «Твоя В.».

Второе письмо касалось ребенка – «маленького нашего Сережи». «Я была вчера у него», – написано было дальше, и следовало восторженное описание младенца.

И, наконец, третье – не письмо, а записка: «Бога ради, съезди туда и сегодня же сообщи мне, что с С.? У нас прием, и я как арестованная. Бога ради!»

И все.

Как они попали в бумажник Дергачева? Кто этот Сережа, эта В.? И что-то подсказывало Патмосову, что в этих письмах тайна убийства.

* * *

Следователь еще спал, когда наутро следующего дня к нему приехал Патмосов и прямо прошел к нему в спальню.

– Вы извините меня, что я прямо лезу, но времени мало, – здороваясь, сказал он лежащему в постели Ястребову.

Ястребов встрепенулся.

– Что-нибудь новое?

– Резцова арестовал.

– Что же он?

– Сказать не могу, но странного много. Двадцать седьмого он ушел из квартиры и не показывался в ней. Я отрядил искать его по всем вертепам, и вот на Подольской, в непотребном доме, его нашли совсем пьяного. Он угощал компанию и хвастал деньгами. Я приехал и арестовал его. Свез в отделение к нам, и там у него нашли четыреста рублей и серебряный портсигар с монограммами.

– Спрашивали? – быстро спросил Ястребов.

– Украл, несомненно, но путает. Что был у Лукерьи, сознается; а где ночь провел – не указывает.

– Ну вот! Понятно, он убил! – воскликнул Ястребов. – Где же он?

– Вам его сегодня к одиннадцати часам доставят.

– Вы будете?

– Нет, я хочу на похороны сходить.

Ястребов стал одеваться, а Патмосов собрался уходить.

– Вот найденное у него и протокол обыска, – сказал он, кладя на стол деньги в засаленном кошельке и массивный портсигар.

– Из залогов, верно, – предположил Ястребов.

– Вы позволите взять его на несколько часов? – попросил Патмосов.

– Пожалуйста!

Патмосов ушел, а Ястребов напился чаю и прошел в камеру.

Флегонтов был уже на месте.

– Ну, Севастьян Лукич, – весело сказал Ястребов, – убийца-то, кажется, у нас. Сейчас приведут.

– Кто же это, Виктор Иванович?

– А Резцов, слесарь Резцов!

– Патмосов то же говорит?

– Он и арестовал. Да что он! Знаете, они все сыщики только, как ищейки, если их по следу пустить. А чтобы додуматься до истины...

В этот момент дверь распахнулась, и в камеру в сопровождении сторожа ввалился Трехин.

– Вот и я! Честь имею кланяться!

Ястребов сердито посмотрел на него и строго сказал:

– Надо было доложить о себе, а не врываться.

– Я и не врывался, а если ваш сторож свою сигарку курит, мне некогда ждать. Я хочу еще на погребень поспеть.

– Садитесь! – сказал ему Ястребов.

– Сел! – Трехин опустился на стул, вытянул ноги и закурил папироску.

– Рекомендую вам говорить только правду, – предупредил Ястребов и предложил обычные вопросы.

– Трехин, Степан Петров, православный, тридцати четырех лет, холостой, дворянин, поручик в отставке. Вот! Под судом не был, у следователя впервые!

Трехин затянулся папироской.

– Так. Так вот, некая девица Караваяева обвиняет вас...

Трехин резко повернулся на стуле.

– В убийстве дяди! Ха-ха-ха!

– Что вы можете сказать по этому поводу? – сухо спросил следователь.

– То, что она – дура! Захоти я, и она сегодня же придет к вам и будет клясться, что наплела, но мне плевать!

– Однако вы не любили своего дяди?

– За что любить? Жид, закладчик.

– Вы грозили убить его?

– И не раз! И убил бы, если бы на момент попал, – сверкая глазами, ответил Трехин.

– Гм. И вот он убит. Где вы были двадцать седьмого числа?

– Разве я помню!

– Ну, постарайтесь припомнить. Припомните хотя, были вы в Павловске или нет?

– В Павловске? Был!

– И поздно уехали?

– В час ночи.

– И дядю видели?

– Видал.

– Где?

– На вокзале. Он шел и разговаривал с одним молодым человеком. Пошел мимо театра, по дороге к павильону.

Следователь быстро переглянулся с Флегонтовым.

– Ну-с, а вы, значит, сзади шли.

– Да, – угрюмо ответил Трехин, – я с ним говорить хотел.

– И что же?

– Не дождался, когда он кончит, и бросил их.

– Куда же вы пошли?

– А это уж мое дело, – резко ответил Трехин.

– Совершенно верно. Потрудитесь подписать ваши показания.

– С полным удовольствием! – и Трехин с росчерком подписал свою фамилию. – Извольте!

– А теперь, господин Трехин, – сказал следователь, – я вас

должен арестовать и препроводить в тюрьму!

Трехин вскочил и иступленно завопил, тараща глаза:

– Что ж, вы мне не верите? Дворянину не верите? По оговору девки я – убийца?

– Пожалуйста, не кричите! – сказал Ястребов. – Возьмите его! – приказал он вошедшей тюремной страже.

Трехин хотел что-то сказать, приостановился, но вдруг с отчаянием махнул рукою и вышел из камеры. В эту минуту вошел городской с рассыльной книгой.

– А! Резцова привели?

– Так точно-с! – ответил городской, подавая книгу Ястребов расписался.

– Впустите его!

В камеру широким шагом вошел Резцов и остановился у порога с видом привычного ко всему человека.

Это был парень лет тридцати, типичный мастеровой, в высоких сапогах и пиджаке поперх парусиновой⁸ грязной блузы.

– Вас вчера задержали в доме терпимости на Подольской улице?

– Так точно.

– Кутили?

– Так точно.

– На какие же деньги?

– Нашел. Шел это ночью по Загородному мимо полка и

---

⁸ Парусина – грубая, толстая льняная ткань.

нашел. Лежит папиросница. Я ее взял, а в ней деньги.

– Так. Лукерью Анфисову вы знаете?

– И очень даже хорошо. Земляки.

– Когда вы у нее были в последний раз?

– Позавчера, двадцать седьмого числа.

– И пробыли?

– Так часов до восьми. На восьми уехал.

– А не поранее?

– Никак нет. Спросите ее.

– Хозяина Дергачева вы видели?

– Не видел. Лукерья ходила в комнаты. Он обедал, потом спал.

– Так что вы ушли после него?

Резцов чуть улыбнулся и ответил:

– Зачем после, когда в восемь часов?

– А он ушел в котором часу?

– А я-то почему знаю? – уже резко ответил Резцов.

– Пока довольно, – сказал следователь и приказал увести

Резцова.

– Господин просят войти, – сообщил сторож и подал Ястребову карточку.

Ястребов прочел: «Карл Эмильевич Розенцвейг».

– Проси!

В комнату вошел маленького роста, седой старичок, одетый в длинный нанковый⁹ сюртук, с тростью в руке.

---

⁹ Нанка – прочная хлопчатобумажная ткань буровато-желтого цвета.

Он церемонно поклонился, сел и, обернувшись всем корпусом к Ястребову, заговорил:

– Я за убийств господин Дергачев прошу взять господина Савельев. Да! Молодой господин Савельев. Николай Николаич! А почему? Господин Дергачев и я с ним давали денег под вексель, под гут вексель. И Савельев давал два вексель на тысячу двести рублей и брал у нас деньги. А потом мы узнал, что его папаша не давал свой подпись.

– Значит, этот Савельев дал вам с чужой подписью вексель?

– Да!¹⁰ С подписом отца, коммерц-советник Савельев.

Следователь кивнул.

– Да! – продолжал немец. – А двадцать восьмого им был срок, и я видел, как Савельев этот был в Павловск и ловил Дергачев и был пьян. Это он убил его и взял вексель!

– Завтра я осматриваю бумаги покойного, и если этих векселей не окажется, я приму к сведению ваше сообщение.

– Пожалуйста! Это очень дурной молодой человек! Николай Николаевич, сын Савельева, свой дом на Гороховой, у Красного моста. Это он сделал!

Немец встал, торжественно откланялся и вышел. Ястребов вскочил с кресла.

– Вот вам и третий! Что вы скажете?

– Трудное дело, Виктор Иванович, – вздохнув, сказал Флегонтов. – Запутанное дело!

---

¹⁰ Да! (нем.).

* * *

Патмосов подоспел к выносу тела.

Мимо него пронесли гроб и прошли немногие из провожавших, какие-то женщины и между ними Марья Васильевна. Лукерья собиралась запереть двери и идти тоже, когда Патмосов нагнулся и как будто поднял с порога серебряный портсигар.

– Смотри, обронил кто-то!

Лукерья взглянула на вещь и побледнела. Дверной ключ упал у нее из рук.

– Узнала? – тихо сказал Патмосов.

– Ничего не узнала! – грубо ответила Лукерья. – А напустили вы меня!

– Ну, так моя находка, – усмехнулся Патмосов и пошел к кладбищу.

Скоро он догнал процессию и зорко осмотрелся, но ничего из того, чего он ждал, не увидел.

Он дошел до кладбища, был в церкви и уехал домой с твердым решением отыскать «Сережу» и «В.».

* * *

На другой день Патмосов, еще лежа в постели, получил от

Ястребова телеграмму, которой тот звал его к себе.

– Ишь его разбирает, – усмехнулся Патмосов и, отложив письмо в сторону, стал одеваться.

В это время раздался звонок, и в комнату Патмосова заглянула прислуга.

– Вас один барин повидать хочет! – сказала девушка.

– Проси!

Окончив туалет, Патмосов вышел в свой рабочий кабинет, куда уже входил пожилой господин, одетый с изысканной простотой.

– Алексей Романович Патмосов?

– К вашим услугам!

– Я к вам с рекомендацией от Ивана Дмитриевича, – сказал гость. – Выручайте, а я уж не обижу!

Гость протянул визитную карточку Путилина, на которой Патмосов прочел просьбу оказать всякое содействие подателю.

– Чем могу служить? Садитесь!

Гость опустил в кресло.

– Меня зовут Николай Поликарпович Савельев. Может, слышали?

Патмосов поклонился с улыбкою.

– Как же не знать Савельева!

– Известно вам, что у меня есть сын?

Патмосов кивнул.

– И о нем все известно?

– Не у дел, любит кутить, тратить...

– Сегодня, в шесть часов утра, я побывал у его приятеля, большого мерзавца, Константина Дмитриевича Носова. Ну-с, так тот объяснил, что сын мой дал этому Дергачеву с моей подписью векселей на тысячу двести рублей, получив восемьсот рублей, и двадцать седьмого, заметьте, был у него в Павловске, а двадцать восьмого им срок. Вот и все.

– И вы думаете?...

Савельев вытер платком вдруг вспотевшее лицо.

– Ничего не думаю и всего ожидаю. Так вот, просьба. Расследуйте это дело и, если можно, спасите мальчишку! – Савельев взял за руку Патмосова.

Патмосов сочувственно пожал его руку и ответил:

– Будьте покойны, по простому подозрению его не привлекают. Я выгорожу. А теперь вы можете взять его на поруки. Я сейчас еду в Царское.

Савельев встал.

– Я не забуду вам этого!

– Глупости! – ответил Патмосов, провожая гостя до самых дверей.

«И с чего он схватил Савельева?» – думал Патмосов через полчаса, идя к вокзалу Царскосельской железной дороги.

* * *

Ястребов встретил его радостный и возбужденный.

– Вы у меня обедаете, – сказал он, – и поговорим. Я другими делами занят, но скоро освобожусь. Вы необходимы мне!

Патмосов поклонился.

До обеда было еще добрых три часа, и он не спеша направился к Павловску, мимо того места, где было совершено убийство.

Он шел дальше, глубоко задумавшись, когда вдруг услышал густой лай большой собаки; он обернулся; его нагонял всадник, а впереди всадника бежал огромный дог, оглашая пространство лаем.

Вдруг к ногам Патмосова упал предмет, при виде которого он вздрогнул всем существом.

Это был окурок папиросы. Окурок с таким же длинным мундштуком, такой же толщины, как те...

Патмосов с жадным любопытством взглянул в сторону удалявшегося всадника и увидел только широкие плечи и густые каштановые волосы, прикрытые соломенной шляпой.

Он рванулся было бежать за ним, но потом одумался, добрался до первой скамейки и сел на нее. Подле него дворник мел дорогу.

– Богатое место! – сказал ему Патмосов.

– Мое-то? – удивился дворник.

– Не ваше, а эта дорога! Сколько по ней собственных экипажей едет, сколько тысячных коней! А верхом! Вон сейчас проскакал. Кто это? Не знаете?

– Где их всех знать! Этот из Царского. Часто ездит. Про-

несется туда, потом назад – и все! Завсегда с собакою.

Патмосов встал, кивнул дворнику и бодрым шагом пошел к Ястребову.

– Мы на балконе сядем, – сказал следователь радушно, – жара! У меня великолепнейшая ботвинья¹¹!

Они съели ботвинью, съели отбивные котлеты, малину со сливками, и, наконец, прислуга подала коньяк и кофе. Ястребов налил кофе, предложил гостю сигару, рюмку коньяку и наконец, раскурив сигару, откинулся к спинке плетеного кресла.

– Ну-с, дорогой Алексей Романович, теперь поговорим! Вы знаете, я вчера еще арест сделал и ни свет ни заря уже допрос снял.

– Молодого Савельева? – сказал Патмосов.

Ястребов вытаращил глаза.

– Вы откуда знаете?

– Я все знаю, – улыбнулся Патмосов, – но что же вы от него узнали и почему арестовали?

– На него вчера показания сделал компаньон Дергачева, Розенцвейг.

– Так!

– Он видел его с Дергачевым – раз, а два – у Дергачева были векселя с подложной подписью, работы этого господина Савельева.

– Так!

---

¹¹ Ботвинья – холодный суп на кислом квасе.

– Но что важно, на него указывает Трехин. Наконец, Савельев сказал сперва, что не видел, потом видел, и совершенно не говорит, где был ночью. Вот видите, подозрительно? А? Да, да! И еще! Векселей его я не нашел у Дергачева. Вчера с судебным приставом все пересмотрел. Векселей куча, и все по срокам разложены, а его векселей нет! А?

Патмосов молчал. Ястребов поправился в кресле.

– Теперь этот Трехин! – заговорил он снова. – Тоже не говорит, где ночь провел, тоже видел Дергачева, и ко всему – неистовый человек. Совершенно одержимый! А убить – расчет, едва он узнал, что наследство может мимо носа пройти. А?

Патмосов опять промолчал.

– И, наконец, Резцов! Этот – прямо разбойник. Был на очной ставке с дворником и все свое: «Уехал в восемь часов, а деньги – нашел!»

– Портсигар Лукерья признала. Вот он!

Патмосов положил портсигар на стол и передал эпизод с Лукерьей.

– Вот видите! – оживился Ястребов и заговорил просительным голосом: – Теперь все от вас зависит, голубчик, Алексей Романович!

– Что же от меня-то?

– Обличить их надо! Где были, когда выехали, как убили, чем. Я вам бумажки уже изготовил. Сделайте обыски у них, опросите всех. Господи, да вы уж знаете все это! – взмолился

Ястребов.

Патмосов встал, встал и Ястребов.

– Вот эти бумажки. Пожалуйста!

– Хорошо, я сделаю, – сказал Патмосов, прощаясь с хозяином.

– Ну вот. Ведь из трех уж, наверное, один убийца!

– Четвертый! – засмеялся Патмосов и, пожав руку хозяйну, вышел в сад.

* * *

По пути домой Патмосов размышлял: «Который из трех? Да, понятно, четвертый! И этот четвертый – тот всадник с собакою. И это – убийство не для грабежа. Все ясно. А тайна – в письмах и там, подле Серёжи! Да, да!»

Дома он сел к столу, взял лист бумаги и написал:

«Уважаемый Николай Поликарпович! Знаю наверное, что сын ваш не совершил этого дела. Что касается опрометчиво подписанных бумаг, то они исчезли неизвестным образом. Ваш...».

Он подписался, вложил письмо в конверт и надписал адрес Савельева.

Таинственный всадник был найден Патмосовым на другой же день.

В двенадцать часов дня он уже сидел на той скамье, в парке Павловского вокзала, подле которой вчера видел всадника, курил, читал газету, гулял по аллее, а время ползло, как черепаха.

Но вот пошел второй час, и на аллее из Царского показался всадник. Патмосов внимательно разглядел его.

Это был красавец блондин лет тридцати шести, с окладистой русой бородой, с пышными волосами, богатырь по сложению. Он ехал медленным шагом, держа руки на луке седла.

«Теперь ждать, когда поедет обратно», – решил Патмосов и пошел по прямой аллее до первого поворота в Царское. Этого места всаднику не миновать.

И опять потянулись часы ожидания.

Но вот раздался лай собаки, и показался всадник.

На этот раз он ехал крупной рысью и мерно подскакивал на седле.

Патмосов проводил его глазами до следующего поворота и, заметив направление, быстро пошел за ним. Дойдя до поворота, он увидел сторожа парка и спросил его:

– Скажите, в каком направлении проскакал господин на

лошади? Еще с ним большая собака. Я поднял портсигар, который он обронил! – и Патмосов показал серебряный портсигар.

– А прямо в ворота и налево!

Дойдя до Софии, Патмосов с тем же вопросом обратился к городовому.

– По этой улице!

Дальше, на углу Велиовской, городской ему сказал:

– Господин Санин, дом номер девять!

Первая часть задачи была выполнена. Патмосов прямо направился в полицейскую часть, назвал себя и попросил дать справку о Санине.

– В одну минуту! – с готовностью отозвался пристав. – Богатейший барин. Художник. Портреты пишет и, говорят, дешевле двух тысяч не берет! А? Зовут Сергеем Матвеевичем, а живет здесь в гостях, у князя Таруханова, кирасира.

– А в городе?

– В городе у него мастерская. Позвольте! – он заглянул в листки. – Тучкова набережная, три. Ишь куда занесло!

– Благодарю вас!

Патмосов почувствовал смущение. Такое лицо вряд ли может быть убийцей.

Вдруг он остановился посреди дороги и крепко хлопнул себя по лбу. А! Он – Сергей, и тот – Сережа! Что же это значит?

* * *

На другой день Патмосов нарядился денщиком¹² и направился на Тучкову набережную, три.

На тяжелой, массивной двери он прочел дощечку: «Сергей Матвеевич Санин» и смело дернул шнур звонка. Дверь отворил молодой человек плутоватого вида, без пиджака, подпоясанный зеленым фартуком, с метелкой в руке.

– Чего тебе? – спросил он.

– Полковница прислала, – простодушно ответил Патмосов, – приказала спросить, когда приехать портрет писать?

– Сергей Матвеевич завтра быть обещался, – ответил слуга.

---

¹² Денщик – солдат-слуга при офицере до революции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.